

Андрей Тассар

ПРИГЛАШЕНИЕ

Смилкомбопетта

ЗАВЕТНЫЙ БУБЕН

Я когда-то мечтал
Стать нанайским шаманом.
Чтоб на зорьке
В свой солнечный бубен стучать,
Чтоб светило встречать
Над Амуром туманным —
Бога света
Из мира ночного встречать.

Я мечтал стать шаманом
Большим на Амуре,
Чтобы бубен подвластен был
Чуткой руке,
Чтоб, как с близким,
С владыкою солнца — Эндури
Говорить на понятном
Лишь нам языке.

О тайга,
Я твой сын,
Но брожу как в тумане.
Может, ты непокой мой
Могла б излечить...
Сколько сказок ты спела мне,
Словно шаманя.
Помоги мне теперь, —
Сердце бубном стучит.

— Дай мне бубен!—
Сказал я шаманке согбенной,
Что тянула
Извечную песню свою.

— Дай мне бубен!—
Сказал я шаманке надменной.—
Я не давний,
Я нынешний век воспою.

А шаманка курила.
Глядела устало.
Но потом отвечала,
Тоски не тая:
— Ты родился на свет —
Мне покоя не стало.
Бубен тот,
Что ты ищешь,
Искала и я.

Ныне вещи сны
Не дают мне покоя.
Вижу:
С солнечным бубном
Ты к людям идешь...
Возвращайся домой —
На заре под рукою,
Словно солнце в день ясный,
Его ты найдешь.

Мой очаг поостыл —
Искры в нем не отыщешь.
В сердце искры раздуй,
Пламя высеки в нем...—
Я ушел.
Остывало ее пепелище,
Но слова ее в сердце
Запали огнем.

МОСТ

Мы строим сегодня
Прекрасный и сказочный мост,
Как дар, как награду
Простому творцу-человеку.
Ажурным каркасом,
Поднявшись в невиданный рост,
Стальными шагами
Шагнет этот мост через реку.

Стою на мосту я,
Прищулив глаза свои узкие,
Далекое стойбище вижу
И с трубкою мать у костра...
Над этим мостом
Потрудились нанайцы и русские,
И брат-украинец,
И ты, удэгейка-сестра.

Пройдут поездов вереницы
С богатыми грузами,
Гудками приветствий
Окрестную даль огласив.
С сердцами строителей
Связан сердечными узами,
Я песни сложу им
На памятный сердцу мотив.

Не будет он сломан,
Наш мост, никакими врагами.
Однажды поднимет он
Формы свои в высоту,—
Чтоб люди смелее
Навстречу друг другу шагали
И, распри забывши,
Братались на этом мосту!

ПЕРО

Мой верный друг, мое перо,
ответь сегодня мне,
Ты почему так весело
скрипишь за часом час?
То, замедляя бурный бег,
смеешься в тишине,
То поспешаешь вновь,
на легких лыжах мчась.

Я жизнь хорошую пою в
моем родном краю,
И ты летишь, как резвый зверь,
по белизне листа.
Ты радуешься, что сейчас
я о труде пою,
И радость плещется моя,
как быстрая кета.

Ты легким сободем лети
и оставляй следы,
Пусть братья смотрят за тобой,—
их глаз всегда остер.
В такой орнамент преврати
словесные ряды,
Чтоб красотой удивить
всех мастериц-сестер.

Я буду петь про свой народ
и славить нашу жизнь,
А ты давай не отставай,
работать поспевай.
Как сердце трудится мое,
без усталости трудись,
Со мною вместе и грусти,
и песни распевай.

О том, как наш Амур богат,
я говорю сейчас,
Его лесов, земли и вод
бесчисленно добро.
А ты, за мыслями
на легких лыжах мчась,
Их на бумагу занеси,
мой друг, мое перо!

ЗАВЕТ

Каждый в жизнь идет своей тропой—
Что сказать могу вам, сыновья?
Передать копье вам родовое
По завету предков должен я.

Доверяли то копье немногим,
Жизни рода смысл заложен в нем:
Становились у жерла берлоги
Мэргены-мужчины с тем копьем.

Счастлив я, что по законам предков
Начинал свое житье-бытье.
Помню, на весу держу копье,
Насыпают снег сухой на древко.

Напряжен, ославиться рискуя:
Дрогнут руки — снег рассыплешь — трус!
Счастлив тем, что честь свою мужскую
Защитил—похвастать не боюсь.

И без дрожи с теми, кто отважен,
Шел я на фашистское зверье.
И в руке, копья познавшей тяжесть,
Не дрожало верное перо.

Чтобы вновь не возвращались войны,
Вы храните память, сыновья!
Так хочу, чтоб были вы достойны
Родового нашего копья.

* * *

Ухожу я в трудную дорогу,
В горы молчаливые — туда,
Где века покоится в отрогах
Нами не открытая руда.

Хорошо сквозь бури пробиваться
К цели, что намечена тобой,
А потом под небом оказаться,
Облаков касаясь головой!

Я невзгоды вынесу любые,
Помня вдохновенное: «Вперед!»
Нет недостижимых высот
С вами, земляки мои родные.

СТАРЫЙ КЕДР

Старый кедр шумит ветвями,
А на нем, мерцая в ряд,
Будто пояс с бубенцами
Кости белые гремят.

Птицы мечутся в испуге,
Кабарга и злой кабан,
Словно тут в заклятом круге
Пляшет бешеный шаман...

Но не бойтесь злого духа:
Эти страхи напоказ—
Только музыка для слуха,
Развлечение для глаз.

Кедр — он вовсе не опасен,
Смирен груз его ветвей:
Это я его украсил
В давней юности моей.

Это было в царстве некоем,
В некий век и некий год,
Там, где бывшим человеком
Князь тайги — медведь слывет.

Не оставь — в обиду предкам —
Костя зверя на земле,
А подвесь к высоким веткам,
Мясо сжарь на вертеле...

Так учил меня родитель,
Чтя законы прежних дней.
Дремлет кедр—седой хранитель
Давней юности моей.

Я смотрю, как будто в поиск
Снова молодость зову...
Вторит ветру белый пояс,
Шишки падают в траву.

ОМОРОЧКА¹

Где бы ни был я — мне ли забыть,
Как в тебе, оморочка, рос я?
Сколько рек мне пришлось переплыть
На тебе, остроногая!

Состязался я с рыбой — меня
Ты вперед выносила.
С ветром силой мерился я —
Ты давала мне силу.

В том пути, что с тобою пройден,
Оморочка моя,
Спел я первую песню о Родине,
О любимых краях.

На тебе мчал я птицей вольной
Перекатами быстрых рек,
Чтоб узнать от учителя в школе,
Как свободен я, человек.

Я теперь проношусь на глассере —
Зверь лесной завидует мне;
С самолетом теперь сроднился я —
Стриж завидует мне!

Пусть за мной теперь не успеть
И тебе, моя оморочка, —
Как же песню тебе не спеть,
Колыбель моя, оморочка!

¹ Оморочка — рыбачья лодка.

РАЗГОВОР С АМУРОМ

Бываешь ты, Амур, то солнечен,
то хмур.

Моя судьба в твоей отцовской
власти.

Я по закону предков, батюшка Амур,
Хочу поговорить с тобой о счастье.

Амур, седой Амур, навеки мне родной,
Я снова дома. Я, как в детстве,
дома.

С улыбкою играешь ты своей волной.
Моя мечта тебе уже знакома.

Мой батюшка Амур, ты трубку закури,
Послушай вновь, как бьется сердце
сына.

Я здесь. Наедине со мной поговори.
А я свою мечту из сердца выну:

У Волги-матушки, второй моей любви,
Живет моя отрада и кручина,
Ты, батюшка Амур, меня благослови,
В счастливый путь отправь родного
сына.

И если вновь меня приветит
Волга-мать,
С отрадою вдвоем, как птицы
на рассвете,

Мы прилетим о нашем счастье
рассказать,
Как батюшке рассказывают дети.

ЗЕМЛЯКАМ

Я вижу, как вы
из кунгасов покатых
Горбушу кладете
на берег реки,
Я знаю о ваших
уловах богатых,
О доблести вашей,
мои земляки.

Пусть северный ветер
надвинется валом,
Кунгас закачает
на гребне волны,
Но вам, рыбакам
и рыбачкам бывалым,
Амурские штормы
совсем не страшны.

И я, как и раньше, тружусь
вместе с вами,
Минуты и той
я не мыслю без вас.
Хоть сеть не держу я
своими руками,
В лиман не веду
просмоленный кунгас,

Я песню несу вам,
как доброе слово
О вашем труде,
о просторах реки.
Пусть повторят
песню края родного
В далеких селеньях
мои земляки.

ОСТРОГА

Острога, острога, где твое острие?
Пусть всегда о тебе помнит сердце мое.
С детских лет в оморочке я жил на воде.
Не забуду тебя никогда и нигде.

Вот опять я стою на речном берегу,
Всю в росе, как в слезах, вижу я острогу.
В ясный полдень, когда наш Амур бирюзов,
Всем встревоженным сердцем я слышу твой зов.

Эх, в такую погоду когда-то я плыл
И летающих рыб я без промаха бил,
Как отец, на лету я калугу колол!
А сегодня опять вот к Амуру пришел.

Словно в красных веснушках, лежит на лугу
Острога... Кто здесь бросил ржаветь острогу?
Сколько зим пролежала она, сколько лет!
Эти годы, конечно, оставили след.

Острога, затупилось твое острие.
Но всегда о тебе помнит сердце мое.
С детских лет в оморочке я жил на воде.
Не забуду тебя никогда и нигде.

СЫН РЫБАЧКИ

*Первой женщине-нанайке, на-
гражденной орденом Ленина*

Я с нуждой знаком не понаслышке.
Сын рыбачки бедной и простой,
Сшитые из рыбьих шкур штанишки
Я носил и летом и зимой.

Вспоминается: в труде бесплодном
Как ни билась, ни старалась мать,
Часто приходилось мне голодным
В нашей дымной фанзе засыпать.

В черные военные години,
Хоть и был тогда я слаб и мал,
Как заправский маленький мужчина
Матери своей я помогал.

Двухметровый лед, что тверд, как камень,
Продолбив пешней не без труда,
Мы израненными в кровь руками
С матерью тянули невода.

А сегодня женщине-нанайке
Все несут свой искренний поклон.

И океан покажется мне полем,
Где правил тризны и пахал народ.

И кажется, шумят под ветром травы,
И словно дальний голос — плеск волны...
Курилы...

Богатырская застава
На рубеже родной моей страны.

О КРАСОТЕ

В тайге у жаркого костра,
Седым дымком повитый,
Сидит охотник Икора,
Земляк мой знаменитый.

Лицо в морщинах многих лет.
И зверь порвал зубами.
Свиристель когтей медвежьих след
И злых клыков кабаньих.

В глубоких шрамах и черно,
Как старое огниво,
Как будто страшное — оно
По-своему красиво,

Слывет красивым тот у нас,
Кому в походе верим,
Кто в ураганный стоек час
И смел в борьбе со зверем.

И те рубцы, и шрамы те
Для знающего взгляда —
Как самой высшей красоте
И почести, и награда.

ПТИЧКА

Птичка, птичка, скажи, для чего, почему
Ты опять прилетела к окну моему?
И ответь мне, зачем ты, тревожно звеня,
На заре во дворе окликаешь меня?

Что ты плачешь, скажи, на окне в тишине?
Или, может, печалишься ты обо мне?
Или хочешь со мной встретить утренний час?
Иль на похощь зовешь меня, бога боясь?

Птичка, птичка, ты радостно пой — не скучай
И таежный рассвет хорошенько встречай.
Если свистом веселым разбудишь тайгу,
Не обидеть тебя никакому врагу.

Для тебя я слова стариков повторю:
«Если песнями птичка не встретит зарю,
То рассердится бог. В своем гневе велик,
Он немедленно вырвет у птички язык».

Птичка, птичка, смотри,— видишь пламя зари?
Ты меня хорошенько пойми, разбери:
Бога я не боюсь, — я не верю в него,
Но я гнева народа боюсь моего.

ЛЕДОХОД

«Не показывай пальцем, где льдины купаются.
Лед страшнее медведя! Не шутят со льдом.
А покажешь — скорей укуси этот палец,
И тогда ледоход не утащит твой дом...»

Это в детстве такая наука была нам,
Чтобы мы не ходили на берег реки.
Послушанья от нас добивались обманом
Никому не желавшие зла старики.

Повзрослев, мы смеялись над этим поверьем.
Отчего же к нему возвращаюсь теперь я?

С бюрократам схватился. Поймет ли — не знаю.
Показал в него пальцем, сидит, как чурбак...
И душа, и душа у него ледяная.
Укусить себе палец? Да как бы не так!

МОРЕ

Вот оно, море, какое! Оно — голубое,
Словно девчонки глаза, с чистотой божества
Ждущей кого-то светло, с потаенной любовью...
Мягкие губы — невнятные шепчут слова.

Что-то, однако, с тайгою роднит его кровно.
В сопки поднимаешься — дух перехватит! Смотря:
Волнами ходят под ветром высокие кроны
Елей и пихт в освещенье вечерней зари.

Вот корабли — на снегу голубом кабанями,
И буруны — точно след остроносой башки,
Грузный буксир по-медвежьи встает над волнами,
С рыбою трал выбирают на борт рыбаки.

Вынырнет солнце над далью туманной и тишью,
Рыжим тюленем качаться ему до поры.
Даже смешно: мне припомнились игры мальчишьи—
Так же в Амуре барахтались мы от жары.

Море, мне песни тайги и понятней, и ближе,
Но породниться, я вижу, назначено нам...
Ах, как хочу пробежаться я, море, на лыжах
По серебристым, по снежно-кипучим волнам!

НОЧЬ В ТАЙГЕ

В глубоком мху теряется нога,
И шороха не слышно. До рассвета
В весеннем сладком сне лежит тайга,
И лишь кричит ночная птица где-то.

Взошла над миром юная луна
И в небе покраснела, как девчонка.
А ручеек во тьме, не зная сна,
Смеется и залиvisto и звонко.

Но слышишь? По задумчивой реке
Разнесся голос, трубный и манящий.
Зовет свою подругу вдальеке
Изюбр влюбленный из дремучей чащи.

И, смерть в стволе винтовочном тая,
Охотничью удачу привечая,
Берестяную дудку вынул я,
На страстный зов изюбра отвечая.

Вот с треском раздвигается тайга,
И с двух сторон на тихую поляну
Самуш явились, чтоб скрестить рога,
Поддавшись немудреному обману.

Они метнулись друг на друга. Кровь
Упала на притоптанные травы.
Ведь что ни говорите, но любовь
И верность, и надежда вечно правы.

Но почему сквозь облака за мной
Луна следит сегодня, как за вором;
И почему в тиши ручей лесной
Заплакал вдруг с обидой и укором?

МЕДВЕЖЬЯ ГОЛОВА

Отец мой, настоящий зверолов,
Убив медведя, щедро угощал
Медвежьей головою стариков
И каждый раз такое обещал:

— Смотрите, старики, вот мой сынок,
Он будет нам на радость подрастать.
Любой шатун его не свалит с ног.
Вот будет медвежатник — вам под стать!

Отец, отец мой! Слова твоего
Не оправдал я, сын любимый твой:
Охотником не стал
И никого
Не угостил медвежьей головой.

Ну как твою надежду оправдать,
Чем жизнь твою украсить хоть на миг?
Стихи? Но не умеешь ты читать
И плохо видишь, добрый мой старик.

Так сядь с моею книжкой у огня,
Дремотой сладкой горечь дум развей..
И пусть мои стихи, твой сон храня,
Тебе расскажут о любви моей.

МЕДВЕЖОНОК

Плакал в дремучей тайге медвежонок,
Плач его был безутешен и тонок.
Шлепала мать и гнала пестуна —
С ним разлучиться решила она.

Я пожалел малыша поневоле,
Глядя сквозь кедры на эту семью.
Выстрелить в злую медведицу, что ли?
Но опустил я винтовку свою.

Нет, медвежонок! Законов природы
Нам не нарушить — ни мне, ни тебе.

С плачем приемлешь ты благо свободы —
Но возмужать ты обязан в борьбе.

Труден безжалостный час расставанья:
Даже медведь не удержит рыданья.
А человек? Он порою, поверь,
Может рыдать, как затравленный зверь.

Думаешь, трудностей я не изведал?
Жизнь меня была порою всерьез.
Только не пролил я жалостных слез,
Только заветной тропинки не предал.

ДУБ

Дуб, громадина-древо, полное сил!
Мой отец ежедневно молился тебе,
Часто в жертву мио¹ петухов приносил,
Чтобы счастье моей улыбалось судьбе.

Ты, лаская потомков своих, разметал
Широченные ветви до самых до туч,
А корнями ты в землю родную вращал,—
И, видать, потому ты сейчас так могуч.
А быть может, ты, дуб, потому полон сил,
Что отец тебе жертвы свои приносил?

Пусть живет моя сила в тебе, —
Все равно
Не приду к тебе с жертвой себе на беду,

¹ М и о — изображение Будды, которому молились на-
найцы.

Пусть, как слезы, роняешь ты желуди.
Но
Как отец мой, с поклоном к тебе не приду.

Может быть, старый дуб, по отцовской мольбе
Получил я и волю, и силу твою.
Я за то благодарен отцу и тебе.
И отцу, и тебе эту песню пою.

БЕРЕЗА

Я березу увидел над старой могилой,
Как у девушки, строен был стан у березы.
Я в молчанье стоял у могилы забытой,
Вспоминая народную нашу примету:

Если встала береза над чьей-то могилой —
Значит, здесь человек похоронен хороший,
Будут счастливы дети его и пригожи,
Будут крепкими дети, как эта береза.

Я не знаю — хорошим ли был я поэтом,
Но заветной мечтой мое сердце согрето:
Если песни останутся в сердце народа,—
Над моею могилою встанет береза.

МАМА

Мама! Мама!
Ближе этого слова на земле не найду;
Я без этого слова как в потемках иду,

Но скажешь ласково «мама»—
И сердцу легко-легко,
Позовешь тихонечко «мама»—
Видать далеко-далеко.
Смотрите, смотрите, друзья,—
Вот нанайская мать.
Седых волос и морщинок
Нельзя сосчитать.
Глаза потускнели —
Сколько пролито слез...
Губы ее побелели —
Знать, не сладко жилось.
Летал, заслоня солнце,
Царский орел над страной,
И стала она без солнца
Сосулькой ледяной.
Мама! Мама!
Эниэ! Эниэ!
Ближе этого слова на земле не найду;
Я без этого слова как в потемках иду.

МАМА И САМОЛЕТ

Девяносто лет моей старой маме.
Седенькая.
Кости болят к погоде...
Из стойбища
В город с большими домами
Она приехала на пароходе.

Десять дней гостила.
И все ей — не так.
Только курит и курит крепкий табак.
Я понял:
Грустит по лесному дому.

Я понял — другого лекарства нет,
Вызвал такси до аэродрома,
Чемодан устроил,
Купил билет.
— Скоро, мама, ты будешь дома.

Я привык, а она испугалась до слез,
Ведь она в самолете
Никогда не летала.
— Только б к «верхним людям»
Он меня не увез, —
По-нанайски мне мама моя прошептала.

На прощание
Я к сердцу ее привлек,
И она сквозь слезы мне улыбнулась:
— Дома, знаешь, я буду шаманить, сынок,
От радости, что снова
На землю вернулась...

Не впервые крыльям меня поднимать.
Я знал, что надежен пилот искусный.
А душа моя все-таки
Волновалась за мать,
И было мне как-то смешно и грустно.

Добрая мама!
Нам ведь все по плечу,
Нам под силу и в космос
Полет свой направить.

Может, я в звездолете
На Марс полечу,
И вернувшись —
От радости буду шаманить.

ТРУБКА

Старый Ванчо на рыбалке был,
Там, понимаешь, трубку забыл.
Ходит без трубки Ванчо, как без рук,
Все старику немило вокруг,
Очень уж старую трубку жаль.
Он к председателю прибежал:

— Что ты здесь попусту тратишь слова?
Катер скорей быстроходный давай!
Я за Амуром сегодня был,
Там на рыбалке трубку забыл!
Рыбак без трубки — какой рыбак?
Хожу как без рук, хожу как дурак...

Люди смеются: вот так старик —
Старая трубка, а поднял крик.
Сам председатель сказал в ответ:
— Катер на тоне, катера нет,
Я оморочку тебе даю,
Вот и разыщешь трубку свою.

Ай рассердился Ванчо тогда:
— Значит, беда моя — не беда?!
Так уважаешь ты стариков?
Катер колхозный — для всех рыбаков!
Жалко мне стало Ванчо-старика,
Вынул я трубку его из мешка,
Вот, говорю, не мучайся зря —
Трубка прокуренная твоя.

Снова из трубки клубится дымок,
Шепчет Ванчо мне:
— Спасибо, сынок,
Дело не в трубке, ты должен понять,,

Не было раньше весла у меня,
Ну, а теперь — захочу — пароход
Лично за мной, если надо, зайдет!

ДВЕ БАБУШКИ

Посвящаю дочери

Вот Леночка по комнате большой
Ступает неуверенным шажком,
Как ласточка-касаточка весной,
Щебечет неокрепшим голоском.

А вот ее хранители — взгляни:
Две бабушки. У них полно забот,
Но внучкою любятися они,
И каждая к себе ее зовет.

Одна ей по-нанайски говорит,
Необычайной нежности полна,
Другая ей по-русски говорит,
Подбадривает внученьку она.

И внучка, сделав два шага подряд,
У бабушек играет на руках.
Довольные друг другом, говорят
Две бабушки на разных языках.

Две бабушки смеются хорошо.
Сверкают слезы счастья на щеках.
А внучка им лепечет, их зовет
На двух понятных, дружных языках.

РАДОСТЬ

Когда-то в детстве пескарей
Ловил мой друг.

И вдруг:
— Пойдем на шук с тобой, Андрей?
— Ну что ж, пойдем на шук.

И вот я взламываю лед,
Орудя пешней,
А он на льду чечетку бьет,
Неловкий и смешной.

И я урок накоротке
Даю, а он глядит.
И я с «махалкою» в руке
Сижусь. И он сидит.

Ташу одну я за одной,
А он, забыв совет,
О лунку чиркает блесной,
Спешит, а толку нет.

И я не рад, я тоже хмур:
Стараюсь для людей —
И что же?
Батюшка Амур,
Для друга порадей!

Так про себя родной реке
Шепчу — и вижу вдруг:

С речной тигрицей на крючке
Встает мой русский друг.

Подобной радости давно
Не видел зимний плес.
И мне приятно и смешно,
И радостно до слез...

КРЫЛЬЯ

У наших охотников было поверье:
«Чтобы знать об охоте — удачной ли будет?—
Кукушку убей, постели ее перья,
И спи, пока тебя не разбудит.

И если проснешься, тебе станет жарко —
Удачливым будешь охотником, смелым;
А если тебя не согреет и чарка,—
Знать, будешь охотником ты неумелым».

Под чьим бы крылом ни искал ты защиты,
Чью шкуру ни брал для ночлега в дорогу,
Раз нету таланта — его не ищи ты,
Тут крылья чужие уже не помогут!

ХВАСТУН

Села синичка на кедр сухостойный —
Птенчика учит, как пищу добыть.

Тут же и дятел¹, хвастливо, нестройно,
Начал по кедру долбить и долбить!

Птенчик пищит, еле жив от испуга:
— Мама, ой мама! Чего он сердит?
Что он колотит? От этого стука
Как у него голова не болит?

— Нет, мой сынок,— мать птенцу говорит,—
У хвастунов голова не болит!

ВОРОНА

Однажды моложавая ворона
Кокетливую встретила кукушку,
И подражать ей стала несмышлена —
Подстригла крылышки и вздыбила макушку.
И каркать перестала по-вороньи,
Как будто род ее — ей посторонний.
Высиживать яички позабыла,
Не видя в том великого урона.
И перестала —
До того ль ей было! —
Сырую рыбу-талу есть ворона.
Коль встретить вам подобную случится
(Ее теперь не узнают подружки),
Поймете вы:
Из этой странной птицы
Не вышло ни вороны,
Ни кукушки.

¹ Дятел в нанайском устном народном творчестве издавна характеризуется как пустозвон.

ЗМЕЯ

«Коль к гнезду с птенцами
Лентой черной
Приползет змея,
Как в дом беда, —
Ты схвати за хвост ее проворно
И забрось подальше от гнезда.
И тебе оплатит птица пеньем,
Словно всем в тайге ты друг и -брат.
Вырастешь ты смелым и степенным»,—
Так у нас в народе говорят.

Усмехнусь, поверий шаткость чужа.
Но... змею к гнезду не подпущу я.

КУКУШКА

Старь поверий люблю ворошить.
Вот твердят о кукушке старушки:
«Как присядет весной на верхушке,—
Начинает хвостом ворожить.
Верьте —
Сверху виднее кукушке.
Если часто замашет хвостом,
Будет голод —
Такая примета;
А не часто и плавно при том, —
Изобильное выпадет лето...»

Ну а людям с людьми надо жить.
Ведь найдется иной пустомеля,

Как кукушка, начнет ворожить,
Языком он такое намелет —
Что к чему?—
Мудрецам не решить.

РЫБАЧКИ

В долине, где шумят под ветром ели,
Амур блеснул серебряной спиной.
Там девушки-рыбачки песню пели
И спорили с высокою волной.

На песню я пошел, раздвинув ивы,
И встретил на амурских берегах
Нанаек, и задорных и красивых,
В резиновых высоких сапогах.

Они, готовя снасти на рассвете
Для молодых отважных рыбаков,
Вплетали нить старинной песни в сети,
Чтоб был богаче нынешний улов.

Сновали ловко маленькие руки,
И не смолкал веселый, дружный смех.
Моих друзей счастливые подруги,
Вы в этой песне искреннее всех.

* * *

Б. Л.

Мой отец, когда с охоты
Возвращался, то, бывало,
Приносил своей любимой
То, о чем она мечтала:
Трубку, чтобы, как закурит,
Сразу вспомнила о милome,
И шкатулку, где узоры
Разных вышивок хранила.

Ну, а мне каким подарком
Одарить тебя, родная?
Чем утешить на прощанье,
Что отдать тебе — не знаю.
Если трубку — ты не куришь,
Дым табачный — это зелье.
А в шкатулке что за радость,
Коль не знаешь рукоделья?

Подарю тебе на память
Все цветы речной долины,
Звон ключей, в горах бегущих
В небе — посвист соколиный,
Трав узорных колыханье,
Темных елей хороводы.
Нет на свете мастерицы
Лучше матери-природы!

Присмотрись к вершинам леса
В бликах солнечного света.

Не увидишь ли меня там
На охоте в час рассвета?
Не услышишь ли мой голос
На земле и в поднебесье?
В колокольчике тажном
Не моя ли скрыта песня?

Исходил дорог я много,
На висках белеет иней,
Только мудрости отцовской
Не достиг я и поныне.
Дочитай мое посланье
На цветке в росе алмазной,
В пестрых камнях, в легких тенях
Все, что мною недосказано...

СЕРДЦЕ

Что ты, сердце, надежный мой друг,
Так забилось тревожно до боли?
На кого ты обиделось вдруг —
На меня, беспокойного, что ли?

Мы на лыжах с тобою вдвоем
Догоняли оленя, бывало,
На медведя ходили с копьем, —
Не страшилось ты, не уставало.

И когда я в селенье одном
Встретил девушку,

Ты меня смело
К ней толкнуло
И, словно вином,
Напоило любовью, согрело.

Что ж ты сердишься, сон мой гоня?
Или все это вдруг позабылось?
И поэтому, раньше меня
Захмелев,
Ты тревожно забилось...

* * *

Н.П.

— Муж был. Одна и беда — выпивоха,—
Женщина вспомнила вдруг, ни с чего.—
Славный,— добавила тихо, со вздохом,
Словно бы я ей напомнил его.

Словно бы вмиг испытал отрезвленье,
В мир я вернулся, где стены пусты.
Верно, оставил я в недоуменье
Женщину ту, что красива, как ты.

Можно бы проще, да совесть на страже.
Не по своей мы расстались вине.
С тихой улыбкою, может быть, скажешь
Доброе слово и ты обо мне...

Тюльня

П.В.

Что ж, давай помолчим в тишине,
Как деревья, немые от холода.
Может, думой о близкой весне
Будет наше молчанье расколото?

Не спеши до поры, не гони,
Гнуть деревья зимою рискованно.
Может, наши сердца, как они,
Тоже злыми морозами скованы?

Дай мне руки! Смотри, как тесны
Гибких веток густые сплетения.
Может, с первой улыбкой весны
Мы оттаем, как эти растения?

То, что в землю корнями вросло,
Возрождается вьюгам назло...

ЛЕГЕНДА ОБ УДЭ-МЭРГЕНЕ

Мой друг сказал, что поручили ему привезти заготовленную колхозом пробковую кору с горной речки То. «То» — по-русски «лось», значит: раньше много сохатых вокруг этого места бродило. Поехал с другом и я.

Живут в таежном стойбище То охотники бывалые, рыбаки опытные. По пути к стойбищу расплескалось большое озеро, мы его на моторной лодке пересекали. День был пасмурный, ветер до заката не стихал. Лодка носом зарывалась в волны и фыркала, как испуганная медведица. Когда стемнело, мы миновали большой поворот. Заметив впереди яркий костер, повернули к берегу. Не гость я в родном краю: один взгляд на людей у костра бросил — уже знаю: охотники. В большом котле они варили оленье панты. Покуривали длинные трубки. Увидев нас, старики громко поздоровались, пригласили к костру. Я сразу узнал их. Одного охотника звали Камчо, второго — Кичо; давние товарищи, не смотря на возраст, они считаются лучшими охотниками в стойбище.

Вдруг старик Камчо, будто только что меня разглядел, изумился, старика Кичо в бок кулаком толкнул:

— Эге! Да ведь это наш студент... Как ты здесь очутился? Заблудился, наверное?

— Хорошо сделал, что заблудился, — подхватил старик Кичо, — с нами встретился.

— Ну-ну, здравствуй, студент! Совсем городским человеком стал: охотиться на моторке поехал. Теперь зверей и за сто километров кругом не отыщешь — всех машиной распугал...

Узнав о цели нашего приезда, старики по-иному стали над нами подшучивать:

— Пробковая кора — дело большое!

— Для рыбака невод без поплавок то же самое, что для Кичо ружье без мушки.

Потом старики нас оленим мясом угощали, о газетных новостях расспрашивали. Долго говорили. По темному небу звезды, как желтые кедровые шишки, рассыпались, и Млечный Путь, протянувшийся от одного края до другого, хорошо был виден.

— Долгой ли дорога была? — спросили меня, между прочим, старики.

— Я, — говорю, — на Ту-114 домой прилетел. За десять часов — из Москвы в Хабаровск. Мчался как раз вдоль Млечного Пути. Стоило захотеть — мог бы из самолета на него выпрыгнуть.

Примолкли старики. Попытался было Камчо изобразить на лице шутливое изумление. Да лишь на месте поерзал и вздохнул.

«Мы целую жизнь прожили, о таком никогда не помышляли, а какой-то юнец к звездам тянется», — так он, наверное, думал.

Тут старик Кичо промолвил:

— Да... Здорово... Хотелось и мне, когда молодой был, по небесной дороге побегать. Ведь что ни говори, а эту дорогу наш Удэ-Мэрген на лыжах проложил...

— Верно, — оживился старик Камчо, — о том только мы, старики, знаем. А не худо бы и вам об Удэ-Мэргене знать. В такое время живем — давно о таком наш народ мечтал. Вот я вам одну историю расскажу. Об Удэ-Мэргене. О его жизни, о делах...

Прочистил старик Камчо свою трубку. Набив табаком, раскурил. Умолкли птицы ночные, словно помогая ему с мыслями собраться. А красный месяц, как будто тоже решив послушать, из-за горы выкарабкался. И нараспев, как все нанайские сказочники, начал Камчо сказывать древнее предание об Удэ-Мэргене и о Мангбо-Амуре.

В давнем веке у Амура
Бед не знал народ в помине,
Здесь жилось вольготно людям —
Так, как им живется ныне.

И играло так же солнце
В голубых своих просторах.
И в достатке было рыбы
В наших реках и озерах.

А Амур — Мангбо — нанайцы
По-иному называли.
То давнишнее название
Нынче вспомнит кто едва ли.

О Мангбо!—прекрасно имя,
Девушка его носила.
Как красивы эти звуки,
Так она была красива.

Так красива, что и солнце
Все-то льнуло к ней лучами.
И Биа — вечерний месяц —
В девушке души не чаял.

А Мангбо светилась словно
К парню чувством неизменным:
На реке он жил, в низовьях,
Звался он Удэ-Мэргеном.

Позовет Мангбо Мэргена —
Ветры непогоды стихнут;
Запоет Мангбо о друге —
И Амура воды стихнут.

А Удэ-Мэрген, охотясь,
Если что-нибудь добудет, —
Раздает добычу людям —
И никто забыт не будет.

Легкой шкурой соболиной
Он зимою лыжи правил.
Он на лыжах выдры летом
По Амуру быстро плавал.

А отец Мангбо угрюмый
Был шаманом в полной силе,
Но людей он ненавидел,
Тем же и ему платили.

Жил в безлюдье, но прознал он
О любви Мангбо к Мэргену.
И родную проклял дочь он,
Проклял, словно за измену.

Вышел как-то он к Амуру,
С луком спрятался в кустах он:
Долго дочь он караулил,
Не спугнул он даже птаху.

Но глаза его горели,
Как у филина ночного.
Вот Мангбо он голос слышит,
О любимом слышит слово.

И стрелу пустил он метко,
И Мангбо в Амур упала.
И Амур из русла вышел.
И тайга, как после пала,

Стала черною от горя,
Горечь корни пронизала.
Увидав отца-злодея,
Так Мангбо ему сказала:

«За любовь меня убил ты,
Но в любви своей права я.
И любовь не победил ты —
Вечно буду я живая.

Помогать, как прежде, людям
Никогда я не устану,
Потеку я вниз к Мэргену —
Речкой я отныне стану...»

Вниз теперь Амур стремится,
И, как девушка, красив он.
И Мангбо средь нас зовется,
Полный доброты и силы...

Здесь Камчо прервал свой сказ, быстро встал, подошел к медленно кипящему котлу, чтобы проверить готовность пантов. Встал и я вслед за ним и начал подкладывать сухие дрова в огонь.

Большой месяц медленно плыл по ярко блестящим звездам, как девушка в легенде — по амурским волнам. Старик Камчо, тщательно проверив панты специальной палочкой — сарби, снова сел на место и продолжил свой сказ:

Тут шаман озлился пуще.
Не был людям гнев понятен.
И людей он проклинал злобно,
Начал солнце заклинать он:

«Солнце, солнце, ты всеильно!
Люди к старцу полны злобы,
Люди старца обижают,
Ты меня к себе взяло бы...»

Солнце близилось к закату,
Было красное, как рана.
Пожалело старца солнце —
Забрало с собой шамана.

Утром над Мангбо-рекою
Три светила сразу встали:
По бокам большого солнца
Малых два огнем блистали.

Даже утром стало душно
Людям от огня тройного.
Выше поднялось светило —
Края не узнать лесного:

Вся земля окрест горела.
Как смола, топился камень,
Умидали, корчась, люди,
Позабитые богами.

Стали черными, как угли,
Вороны, что не спаслися,
И, охваченные палом,
Красные метались лисы.

Лишь Мангбо текла, как прежде,
Среди огненного плена.
И звала на помощь людям
Славного Удэ-Мэргена.

И Мэрген ее услышал.
Он надел из выдры лыжи
И летел, людей сзывая.
От огня к воде поближе.

Люди поняли: одно лишь
Им спасение осталось,
И зверье, прохладу чуя,
В воду с берега кидалось.

А шаман ярится пуще
И в героя целит око:
Только выпучит глазищи,
А Мэрген уже далеко.

По реке Мангбо ныряя,
Меткую стрелу достал он.
И пустил он ее к солнцу —
Глаза красного не стало.

И жара немного спала,
Меньше людям стало пыток.
От стрелы второй Мэргена
Глаз второй шаманий вытек.

И сошла к земле прохлада,
Как награда или милость.
Затуманилось светило
И к герою обратилось:

«Ты не трать стрелы последней.
От шамана горе это...
Послужу отныне людям
Лишь для жизни, лишь для света...»

Снял Мэрген из выдры лыжи,
Соболиные надел он.
И ж светилу обратился
С дельным словом, с мудрым делом:

«Чтоб людей ты обласкало,
Чтоб Мангбо, как я, любило,
Путь единый проложу я,
Чтоб ты только им ходило...»

Заскользил Мэрген по небу,
И небесный свод раздался,
И с тех пор от лыж на небе
Серебристый след остался...

Так был путь указан солнцу,
Так Мэрген победу справил:
Память добрую он людям
И светилу путь оставил.

На Мангбо с тех пор нанайцам
Жить вольготно на просторах:
И зверей в тайге довольно,
И в достатке рыб в озерах.

Славу мы поем Мэргену —
Рядом он живет на свете.
Мы хвалу поем светилу —
Солнце нанам щедро светит!

Старик Камчо помолчал немного, а потом пошутил:
— Э, сынок, если ты не веришь, посмотри на солнце
в сильный мороз: ты увидишь по бокам от него словно
бельма злого шамана. Шаман-то до сих пор злится, что
нанайцам хорошо живется на Амуре...

Всю ночь я сидел, прикрыв голову накомарником, и

вспоминал об учебе в Москве, о том, как прилетел домой на Амур в самолете по дороге, проложенной Удэ-Мэргеном. Думал и о больших переменах в жизни нанайцев, вспомнил свой колхоз и родное село Муху. Подумал, что скоро начнется кетовая путина, что рыбаки ох как нуждаются в пробковой коре — ведь невод без пробки, как ружье без мушки...

Ранним утром птицы, проснувшись в густой тайге, начали петь дружным хором, подбадривая друг друга, радуясь веселому солнцу. Даже самые малые птахи пели гимн ему, прыгая все выше по веткам.

Наблюдая это, я всей душой разделял их радость и вспоминал слова легенды старого охотника Камчо:

Славу мы поем Мэргену —
Рядом он живет на свете.
Мы хвалу поем светилу —
Солнце нанам щедро светит.

ДВЕНАДЦАТЬ МЕДВЕЖЬИХ ГОЛОВ

Землякам своим — воинам Советской Армии посвящаю

ВСТУПЛЕНИЕ

Бежит, струится время, как вода,
Как наш Амур, несущий к морю льды,
И каждый миг уходит навсегда,
Но остаются вечные следы.

О мой народ! Ты, как песчинка, мал.
Но среди равных равно ты велик.
И ты, как вся Отчизна, воевал,
И поднял зверя страшного на штык.

Я, сын нанайца, счастлив оттого,
Что шел со всеми в меру своих сил,
Что — времени свидетель своего —
Страницу жизни в песнях воскресил.

За трудное я взялся ремесло,
Чтоб скромное свидетельство певца,
Как эстафета, в завтра перешло —
К отцу от деда, к сыну от отца.

ТЕЛЕГРАММА

Что случилось в Лу-мама?
Что за шум и кутерьма?
Почему во все концы
Так и бегают гонцы?

Там медвежью тушу в дом
Тащат семеро с трудом,
Там до времени в закут
Шкуру зверя волокут,
Там посудой тарахтят,
Варят, жарят и коптят,
Кто в котле, а кто в золе,
Кто — на жарком вертеле.

Что случилось в Лу-мама?
Люди словно без ума:
Свадьба, что ли, на селе?
Майский праздник в феврале?

Нет, не свадьба и не май,
Телеграмму принимай:
Едет Гани, сын Дерсу,
Отпуск праздновать в лесу!

Едет Гани, наш герой,
С фронта грозною порой.
Самолет на вираже
За Хабаровском уже...

А что ты, тайга, приготовишь
Мэргену в родимом краю?
Двенадцать железных чудовищ
Герой уничтожил в бою.

Старинный закон непременно
Без лишних исполните слов!
Поставьте на стол для мэргена
Двенадцать медвежьих голов!

Двенадцать танцоров при встрече
Закружатся вихрем одним.
Двенадцать красивейших женщин
Ухаживать будут за ним.

И пусть, соблюдая обычай,
Поклонится он старикам,
И пусть, не смущаясь отличий,
Расскажет о подвигах нам!

думы отцов

Храбрый мой Гани!
Прошу, до поры потерпи.
Место в походе
Отцу своему уступи.

Стрелки назад передвинем,
Увидим, как старый Дерсу
С другом Уды
Соболей добывают в лесу.

Все для победы!
Дошла до нанайцев война.
Смуглых солдаток
На льду обжигает волна.

Все для победы!
И рыбу, и мех, и перо.
Даже старухи
С запястий
Сдают серебро.

Пусть же мэргены
Услышат слова стариков!
Мы вам поможем!
Смело гоните волков!

Шубы дадим вам —
Медвежий согреет вас мех,
Соболем черным
Оплатим военный доспех.

Медленно, медленно
Падает: падает снег,
Память моя,
Как охотник, бредет в тишине.

В белом земля,
Как бумага, чиста и ровна.
Звери-зверюшки!
Пишите свои письма!

охота

Мороз-хозяин шествует тайгой.
Под нартами поскрипывает снег.
Лопочет слепо речка под ногой,
Собаки лают, убыстря бег.

Бегут собаки, как поводьри,
В лесную темь охотников ведя.
Однако старость, что ни говори,—
Сообразишь не враз, а погода...

Да и глаза с прицелом не в ладу,
Да и берданка вроде тяжела...
Спешит Дерсу, стреляет на ходу.
И отступает: старость подвела.

Как амба-тигр, бросается медведь,
В боку горячий чувствуя свинец.
И надо же патрону отсыреть!
Щелчок. Осечка. Кончено, отец!

Но старый воин крепок на ногах,
Лишь закричал отважно:— Не стреляй!
Стоит Уды в двенадцати шагах:
Стрелять? Застрелишь друга невзначай.

И тут Дерсу выхватывает нож,
Чтоб победить иль замертво упасть.
А перед ним — от смерти не уйдешь —
Маячит окровавленная пасть.

Ужасный применяет он прием:
Толкает руку в пасть — и за язык
Хватает зверя. Ставит нож, как штык,
И поражает сердце острием.

Со страшным ревом падает медведь,
Огромной тушей придавив Дерсу,
Не дай, Уды, стрелку окостенеть,
А то навек останется в лесу...

СТАРЫЙ ДРУГ

Лес наш дремучий, родная тайга!
Что ж ты, как мачеха, ныне строга?
Будь хоть немного добрей и теплей,
Матерью будь, стариков пожалей.

Что ж вы, собаки, не тянете? Та!
Воем всю душу пораните. Та!
Слабнет Дерсу, забывается... Та!
Мечется, стонет, в глазах — темнота.

И вдруг показалось ему:
Вот так же сквозь белую тьму
Летит он, отвагой храним,
И нарты, как птица, под ним.

А с ним — изнемогший от ран,
Под шкурой — Иван-партизан
Да мерзлая рыба в мешке
(С патронами в тайном рядке...).

Летит он сквозь вражье кольцо.
Смотрит: вся кладь налицо,
Нехитрый дорожный припас...
Так русского друга он спас.

Бредит Дерсу, затихает Дерсу,
Кто тут поможет в метельном лесу?
Слабнет Уды, коченеет Уды.
Пуше пурга замечает следы.

Вдруг у тропы засветилась лоза,
Свет, приближаясь, ударил в глаза.
Фары. Кабина. Сиденье-диван...
Смотрит Дерсу: да ведь это Иван!

Это Иван из колхоза «Борец»,
В прошлом лихой партизанский боец,

Другого не было в лесу
Еще такого молодца.

Другого не было в тайге
Мэргена с ясной головой,
А ныне он в другой пурге —
Пурге железной, фронтовой.

О Гани, Гани, отзовись,
Явись сквозь пламя и свинец,
К отцовской радости явись,
Узнай, что в горе твой отец...

Так грезил старик в тишине,
Покая руку на весу,
И вдруг он слышит, как во сне:
— Не твой ли это сын, Дерсу?

— Где? Что такое?—сам не свой
Туда-сюда бросает взгляд,
Глядит: в газете, как живой,
Нанайский юноша-солдат.

Да не солдат, а командир —
Ремни, отличья, ордена!..
— Скорей, сосед, сюда ходи,
Словами сделай письма!

Солдат с очками на носу
Газету взял и прочитал
О том, что Гани, сын Дерсу,
Лесной мэрген — героем стал.

Охотник, вскормленный тайгой,
Доспехи воина надел,
И уничтожил зверобой
Двенадцать «тигров» и «пантер».

Отважно шел он на врага,
И глаза не было верней,
Шуми, амурская тайга,
О славе воинской своей!

О Гани, Гани! Отзовись!
Явись сквозь пламя и свинец,
Глазам родительским явись,
Узнай, что в радости отец...

СОВЕТ СТАРЕЙШИХ

Воздухом мерзлым
Дымит суровая зима.
Солнце садится
В пожар за багровые льды.

Прибыл охотник
В родное село Лу-мама,
Чай попивая,
Беседует с мудрым Уды:

— Верно, Дерсу,—
Замечает испытанный друг,—
Подвигом Гани
Гордятся все люди тайги,

Нам же с тобою
Сидеть у огня недосуг,
Есть на двоих
Три руки да четыре ноги!

Думы печальные
Прочь от себя отгони
И об охоте забудь:

Женщины наши — гляди-ка —
Рыбачат они.

Надо помочь им...
Дай трубку — набыю табаку...
Женщины наши
Одни, без советов мужских,
Лед двухметровый долбят,
А улова-то нет.
Дочка моя, Тойлана,
Бригадиром у них.
Ты бы пошел, пригляделся бы,
Подай совет...

— Правда твоя, —
Отвечает Дерсу, помолчав, —
Правда и то,
Что невеста — твоя Тойлана.
Пишет ей Гани
Одной только ей из девчат,
Так-то, мой друг.
Поскорей бы кончалась война!

БОГАТЫЙ УЛОВ

Не звездочки — снежинки,
Не зимняя луна —
То сходит по тропинке
С бригадой Тойлана.

Цена свое участие,
Дерсу дает «добро»,
И вот приносят снасти
Живое серебро.

И плещет рыба в майне,
Как в сказочном котле.
Ее приятно крайне
Увидеть на столе...

Вот это достижение!
Танцуйте, шубы сняв,
Проворные движенья
У рыбок переняв.

Легка, стройна, крылата,
Тойла подруг ведет,
Сама глядит куда-то,
Кого-то, видно, ждет...

ВСТРЕЧА ГЕРОЯ

Ровно в двадцать часов над селом —
Смотрят нанайцы — летит самолет,
Кружит над улицей, машет крылом,
И стрекоча, на посадку идет.

Эхо ружейное катится с гор,
Будто и горы не в силах молчать,
Так на селе с незапамятных пор
Принято храбрых с охоты встречать.

Гани подходит к своим землякам,
Перед отцом на колени встает,
Низкий поклон отдает старикам —
Ценит учтивость нанайский народ.

Видит Тойлу за спиной стариков,
Крепче заветные держит слова,
Знает она, что обычай таков:
Все уважение — старшим сперва.

Строг он, желанью души вопреки,
Только лишь дрогнула жилка у губ.

Под руки взяли его старики
И повели в разукрашенный клуб.

пир

Входи, товарищ командир,
Почетный гость земли родной,
Добро пожаловать, герой,
На славный пир, веселый пир!

Столы накрыты, и сосуд
Стоит, сельчанам в похвалу.
Двенадцать девушек к столу
Медвежьи головы несут!

Ножи охотничьи держа,
Садятся гости и друзья:
Медвежье мясо грызть нельзя —
Ешь с уважением с ножа.

Священнодействия полны,
На счастье людям, старики
Макают пальцы в араки¹,
В четыре брызгают стены.

Под первой мешкать не любя,
Дерсу наш медлит по второй:
Скажи нам речь свою, герой,
А мы послушаем тебя.

И Гани, вновь отдав поклон
И поглядев на Тойлану,
Рассказ свой начал про войну,
И почему в героях он...

¹ Араки — водка.

—И вам воздать хвалу пора
За ваши подвиги в тылу...
И он придвинулся к столу.
И закричали все: — Ура!

Дружнее пир, и шум сильней,
И пляшут с бубнами в руках
Двенадцать — в красных кушаках —
Подросших за зиму парней.

Тут главный бубен подал звук,
И, разбирая на лету,
Поймали парни по шесту
И очертили «боя» круг.

Танцую, парами бегут,
Фехтуя, пляшут заодно,
Куда проворней, чем в кино
Небезызвестный Робин Гуд.

И разве можно усидеть,
Когда товарищи в «бою»?
И Гани выучку свою
Им показал — учитесь впредь!

Игру затеял не одну
И песни пел, и танцевал,
Но что б герой ни затевал,
Он все глядел на Тойлану...

Погляди поскорее и ты,
Как, танцуя, плывет Тойлана.
Много есть на земле красоты,
А такая бывает одна.

С круглых плеч ниспадает до ног
Черных кос смоляное литье,
И звенящий струят ручеек —
Бубенцы на халате ее.

Реют бубны, как луны, вокруг.
Руки-лебеди жара полны.
В скрытой страсти медлительных рук
Бьется птицей любовь Тойланы!

СНОВА В ПОХОД

Вот и кончился отпуск — солдатский привал,
И пилот самолета к полету готов.
Гани всех навестил и везде побывал,
Бремя славы терпел, как, к примеру, Титов...

Провожает его весь окрестный Амур:
И Иван-партизан прискакал на коне,
И привез земляков удэгейский каюр,
И автобус с детьми подошел в стороне.

Бодро смотрит Дерсу. И Уды молодцом.
И невеста отважно хранит тишину.
Улыбается Гани, прощаясь с отцом,
Крепко в губы целует свою Тойлану.

Нет, не плачут нанайцы, когда человек
На охоту идет или в трудный поход:
Если ясные смотрят глаза из-под век —
Значит, видят удачу они наперед!

На прощанье последний всепомнящий взгляд —
И качнулось крыло на могучих ветрах.

Громкозвучные бубны над полем гудят,
И ружейный салют отдается в горах.

Самолет высоту набирает легко,
И свободно герою под солнцем вдали,
А дорога его — далеко, далеко, —
В память сердца,
В легенду, в бессмертье земли.

ПЕСНЬ О МАТЕРИ

ВСТУПЛЕНИЕ

Никто из предков
Не бывал поэтом
В моем роду —
Не мог стихов слагать.
Нужда и горе виноваты в этом,
Вражда и горе виноваты в этом.
...О вечно петом,
Вечно недолетом
Стихи мои —
О светлом слове «мать».

Могу я,
Как и весь таежный род мой,
Читать следы и зверя понимать.
Но прежде, чем восславить
Весь народ мой,
И прежде, чем восславить
Древний род мой,
И прежде, чем восславить
В мир приход мой,
Восславлю я
Святое слово «мать».

I

Мама, мама моя,
Эниэ, эниэ,
Ты — зари моей первой
Живой и ласкающий свет,
Я обязан тебе,
Как женьшень
Благодатной земле,
Не болей, не старей
Бесконечное множество лет.

Ты таежной росой
Поила меня, как птенца,
И улыбку твою,
И слезу я добром помяну.
Ты суровой порою
Растила меня без отца,
Он давно уже умер,
А братья ушли на войну.

Мама, мама моя,
Эниэ, Эниэ,
Я еще не одну тебе
Нежную песню сложу.
К тебе сердцем тянусь я,
Как тянутся ветки к весне,
В чем тебе поклянусь я,
Всегда свое слово сдержу.

Много родине лет.
А тебе девяносто всего.
Ты, как жизнь, молода,
Хоть лицо твое
В сетке морщин.

Славьтесь, матери мира,
Не боявшиеся ничего,
Чтобы вырастить миру
Солдат, следопытов-мужчин!

Славьтесь, матери смелых —
Мужчин, следопытов, солдат,
Охраняющих мир,
Чтобы небо не кутала мгла.
Эниэ, эниэ,
Я готов свое сердце отдать,
Чтобы вместе с другими
Ты мною гордиться могла.

II

В холодной фанзе,
Будто бы в гробнице,
Я начал жить.
И приходилось мне,
Как юколе,
Над очагом коптиться
Меж идолов,
Прислоненных к стене.

Жрецы-шаманы филинами выли,
Гремели бубнами
И день и ночь,
Жрецы-шаманы искренними были,
Они отцу пытались помочь.
Молилась мать
Панё — древесным духам.
Не сжалились, бездушные, они,
И вдоль стены,
Подобные старухам,
Курили трубки длинные свои.

Отец не выжил.
Мать в рыданиях билась
Над очагом с остатками огня,
И день и ночь
Опять она молилась,
Теперь уже за сына. За меня.

А я сидел,
Не зная, что творится,
Щенком прижавшись
К темному углу.
И мать с тревогой —
Вдруг не загорится!—
Сдувала с углей
Теплую золу.

— Пусть хоть дымок дымит,—
Она шептала,—
Пускай другие
Твой очаг зажгут,
Пускай заменят тех,
Кого не стало,
И об ушедших память сберегут.

В окно-глазок
Из тонкой рыбьей кожи
Слезались солнца зимние лучи.
Таежных духов,
Как людей прохожих,
Просила мать:
— Спаси и научи.

А мне велела:
— Будь мэргеном смелым,
Охотничье уменье покажи,

Дорогой Млечной
По просторам белым —
Лыжню по небу
К солнцу проложи.

И лишь тогда
Из этой фанзы темной
Ты вынесешь, как сердце,
Свой очаг,
И будет благодарен
Мир огромный,
Что светоч жизни
В мире не зачах.

Она шептала мне,
Склоняясь веткой:
— То — завещанье твоего отца,
Так поклянись же,
По закону предков,
Его завет исполнить до конца.

...Мне тот завет
Теперь исполнить легче,
Недаром силу чувствую в плечах.
Я подниму
Свой Млечный Путь
На плечи,
Я вспыхну сердцем —
Вынесу очаг!

III

Я — нанай.
Это значит — житель земли,
Человек, рожденный землей.

Где травы росли.
Где цветы цвели —
Там очаг родительский мой.

Я — гольд.
Это значит — золото. Мне
Надо стойким бывать всегда.
Не ржаветь в воде,
Не сгорать в огне,
Не бояться ни гроз, ни льда.

Быть всегда в пути,
Быть всегда в бою —
В шуме дня и в ночной тиши.
Я сегодня песню тайги пою,
Золотую песню души.

Лишь сумел я
Первый букварь постичь —
В жизни сделать
Свой первый шаг —
Стало ясно мне
С той поры: Ильич
Наше солнце и наш очаг-
Утром птицы славят
Лесной уют,
Поднимают песню в зенит.
Я о Ленине песню свою пою,
Пусть она над тайгой
Звенит!

Мама, дай мне нынче
Уменье твое
Зори видеть и травы слышать,

Чтоб я золотом смог
На халате твоём
Имя «Ленин» у сердца вышить.

IV

Всколыхнется туман
На студеном рассвете,
И поднимется солнце
Над утренним лугом,
Обходя осторожно
Рыбацкие сети,
У речных тальников
Бултыхнется калуга.

В миллионах росинок
Узоры сплетая,
Блики солнца, как невод,
На травы ложатся,
На сверкающих крыльях
Под солнце взлетая,
Беспокойные чайки
Над плесом кружатся.

Улыбаясь счастливо
Приветному солнцу,
Наблюдая стремительных
Чаяк полет,
Мама сети плетет,
Примостясь у оконца,
И о чем-то заветном
Тихонько поет.

Как живые цветы,
Под рукой ее ловкой

Возникают на сетке
Глазки-узелки:
В бликах солнца саранки
Склоняют головки,
Полыхают пионы,
Цветут васильки.

Мама, мама,
О чем твоя тихая песня?
О цветах луговых,
О речном серебре?
Иль о том, как сражалась
Рабочая Пресня,
Как за Лениным люди
Пошли в Октябре?

Как награда
За долгие трудные годы —
На груди твоей орден
С лицом Ильича.
...Мирно катит Амур
Свои полные воды,
Кувыркаются чайки,
Призывно крича.

Ты, наверно, припомнила
Молодость злую,
Заклинанья шаманов
Над гробом отца.
Мама, мама,
Давай, я тебя поцелую
И разглажу морщинки
Родного лица.

Вспомню первую
Рыбой груженную нарту,

Вспомню первый свой выезд
С упряжкой на лед,
Вспомню первую-первую
Школьную парту,
Первой песни своей
Окрыляющий взлет.

Помнишь, в годы войны
Мы, родная, с тобой
Сети ставили,
Лед двухметровый долбя?
К каждой зимней путине
Готовясь, как к бою,
Мы для фронта
Ни в чем не жалели себя.

Коченели на холоде
Мокрые руки,
Трудным подвигом был
Каждый миг, каждый час —
Чтоб исчезли враги
Из родимой округи,
Чтобы Ленина солнце
Не гасло для нас.

Эниэ, эниэ,
Ты все это поймешь,
Ведь недаром страна
Наградила тебя,
Ты недаром всегда
Раньше солнца встаешь,
Ради счастья Отчизны
Работу любя.

Видишь — черная Африка
Тоже встает,

Пусть другие там люди
По цвету лица —
Как и мы,
Она песню свободы поет,
В каждом жителе Африки —
Сердце бойца.

Орден Ленина,
Тот, что на сердце твоём,
Виден жителю Африки
Так же, как мне.
Пусть на разных наречьях
Мы песню поём,
Но понятна сердцам она
В каждой стране.

Расправляй, африканец,
Могучие плечи,
Охраняй беззаветно
Свободу свою.
Я тебе на привычном
Нанайском наречье
Про раздолье амурское
Песню спою.

Я спою, как в лесу
Расцветают саранки,
Как я в жизни впервые
Ступил за порог,
Как я вынес очаг свой
Из дымной землянки,
Для хороших людей
Свое сердце зажег.

Как лыжню — Млечный Путь
Проложил я на крыльях,

Чтобы солнце все ярче
Сияло для нас,
Чтоб родная земля
Свои дали раскрыла
Для моих
По-нанайски прищуренных
Глаз.

Я легенду старинную
Былью дополню
О чувашском герое,
Что в космос летал.
Я тебе, африканец,
О предках напомню,
Расскажу, кем я был,
Расскажу, кем я стал.

Я теперь коммунист,
Я тайги покоритель,
Устремившийся к звездам
Земной человек.
Я амурского края
Счастливейший житель,
Повелитель
Морей, океанов и рек!

v

Нет, не в сапогах из рыбьей кожи
Я приду в грядущее мое.
С предками несхож я,
Как несхожи
Спутник и гиляцкое копьё.

Ты теперь
Не постареешь, мама,—
Юных сердцем старость не берет.

Ты теперь не пожалеешь, мама,
На меня потраченных забот.

Ну, а я
Трудов не пожалею,
Мне любые подвиги с руки, —
Чтоб смеялись дети веселее,
Чтоб не тосковали старики.

Пойте, пойте, радостные птицы,
Добрые пернатые друзья.
Чтобы с вашей песней
Сердцем слиться,
Эти строчки подбираю я.

Песнь моя — о маме и Отчизне.
Как мне их, любимых, не любить!
В мощном хоре радости и жизни
Счастлив я
И малой птицей быть!

VI

Эниэ, эниэ,
Я хочу тебя в песнях прославить,
Твое щедрое сердце
Простыми словами воспеть.
Я хочу твою старость
От всякой невзгоды избавить,
Всю свою благодарность
Отдать тебе в жизни успеть.

Поклонюсь тебе низко
По древним обычаям предков,

Как мэрген-великан,
Я летаю в подзвездную высь,
Я возьму в межпланетный корабль
Тальниковую ветку,
Чтобы Космос с Землею
В рукопожатье слились.

Я вернусь к тебе, мама,
Из дальних заоблачных далей,
Млечный Путь — лыжный след,
Повидав наяву,
Там мэргены летали,
Этот след легендарный видали.
Эниэ, эниэ,
Я такой же мечтою живу.

Незакатное солнце
Над вольным Амуром восходит,
И за солнцем вослед
Мы слетаем с тобою в Москву,
Ильичу поклонимся,
Что вечно бессмертен в народе,
Эниэ, эниэ,
Я такую мечтою живу.

Мы, твои сыновья —
Рыбаки, следопыты, солдаты,—
Жизнь свою отдадим,
Чтобы землю не кутала мгла,
Эниэ, эниэ,
Я хочу, чтоб гордиться могла ты
Жизнью всех сыновей.
Чтобы мною гордиться могла.

Мирно катит Амур
Б океан свои полные воды,

Поднимаются чайки,
 Призывно и нежно крича.
 ...Как награда за трудные
 Долгие, долгие годы,
 На груди твоей орден
 Сияет лицом Ильича.

СОДЕРЖАНИЕ

Заветный бубен. Перевод О. Зверева	6
Мост. Перевод Ст. Смолякова	8
Перо. Перевод Н. Старшинова	9
Завет. Перевод М. Асламова	10
«Ухожу я в трудную дорогу...» Перевод Л. Шкавро	11
Старый кедр. Перевод А. Рыбочкина	11
Оморочка. Перевод Ст. Смолякова	13
Разговор с Амуром. Перевод Н. Старшинова	14
Землякам. Перевод Л. Шкавро	15
Острога. Перевод Н. Старшинова	16
Сын рыбачки. Перевод К. Шишло	17
Воспоминание. Перевод О. Зверева	18
Курилы. Перевод М. Асламова	19
О красоте. Перевод А. Рыбочкина	20
Птичка. Перевод Н. Старшинова	21
Ледоход. Перевод Ю. Шестаковой	22
Море. Перевод М. Асламова	22
Ночь в тайге. Перевод Ю. Смышляева	23
Медвежья голова. Перевод Н. Старшинова	24
Медвежонок. Перевод Ю. Смышляева	25
Дуб. Перевод Н. Старшинова	26
Береза. Перевод В. Шефнера	27
Мама. Перевод Г. Семенова	27
Мама и самолет. Перевод Ст. Смолякова	28
Трубка. Перевод Н. Наволочкина	30
Две бабушки. Перевод Н. Старшинова	31
Радость. Перевод А. Рыбочкина	32
Крылья. Перевод М. Скуратова	33
Хвостун. Перевод М. Скуратова	33
Ворона. Перевод О. Зверева	34
Змея. Перевод О. Зверева	35

Кукушка. Перевод О. Зверева	35
Рыбачки. Перевод Л. Шкавро.	36
«Мой отец, когда с охоты...» Перевод Ю. Шестаковой	37
Сердце. Перевод Н. Старшинова.	38
«— Муж был. Одна и беда — выпивоха...» Перевод М. Асла- мова	39
«Что ж, давай помолчим в тишине...» Перевод Ю. Шестаковой	40

Поэмы

Легенда об Удэ-Мэргене. Перевод <i>О. Зверева</i>	42
Двенадцать медвежьих голов. Перевод <i>А. Рыбочкина</i>	50
Песнь о матери. Перевод <i>Ст. Смелякова</i>	65